

**РАССЛЕДОВАНИЯ ГИДЕОНА ФЕЛЛА
В СЕРИИ «ЗВЕЗДЫ
КЛАССИЧЕСКОГО ДЕТЕКТИВА»**

Ведьино Логово
Тайна Безумного Шляпника
Восемь мечей
Слепой цирюльник
Часы смерти
Три гроба

**Джон Диксон
Карр**

**СЛЕПОЙ
ЦИРЮЛЬНИК**

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
К 26

John Dickson Carr
THE BLIND BARBER

Copyright © The Estate of Clarice M. Carr, 1934
Published by arrangement with David Higham Associates Limited
and The Van Lear Agency LLC
All rights reserved

Перевод с английского Елены Королевой
Серийное оформление и оформление обложки
Валерия Гореликова

ISBN 978-5-389-29549-0

© Е. А. Королева, перевод, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2025
Издательство Азбука®

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Странный груз

Когда океанский лайнер «Королева Виктория» вышел из Нью-Йорка, держа курс на Саутгемптон и Шербур, поговаривали, что на борту находятся два весьма известных человека, и перешептывались, что третий, овеянный в высшей степени дурной славой, тоже поднялся на борт. Более того, был и четвертый — впрочем, ничем не примечательный, — который позже примет довольно активное участие в этой скандальной и суматошной хронике. Сам того не подозревая, этот молодой человек вез в своем багаже нечто куда более ценное, чем марионетки месье Фортинбраса или изумрудный слон лорда Стертона, чем частично объясняется, откуда столько загадок и карнаваль-ной атмосферы в недрах степенной «Королевы Виктории» и столько нелепых проделок, вовсе не соответствующих заведенной традиции.

Ни на одной линии Британского пароходства не найдется судна более почтенного, чем «Королева Виктория». Она представляет собой так называемый семейный лайнер, и это означает: никаких увеселений в каютах после одиннадцати вече-

ра и неукоснительное соблюдение смены часовых поясов в океане, отчего бар вечно закрывается на три четверти часа раньше, чем вы ожидали, вынуждая вас чертыхаться. Охваченные меланхолией пассажиры сидят в сверкающем поверхностями почтовом салоне и, судя по лицам, сочиняют послания родственникам усопших. В роскошном салоне ведутся приглушенные разговоры — деревянные переборки скрипят громче, когда за иллюминаторами взмывает зеленая искрящаяся волна; и вязальщицы трудятся не покладая рук, пока не зажгутся электрические лампы, заменяющие собой камин. Некоторое подобие веселья наблюдается, когда классический оркестр играет за обедом и ужином на галерее ресторана. Однако один рейс на восток, состоявшийся весной прошлого года, капитан второго ранга сэр Гектор Уистлер не забудет никогда. Капитан Уистлер вполне профессионально играет роль рубахи-парня для своих пассажиров, скрывая взрывной характер всякого шкипера, променявшего парус на пар, а его сочные выражения неизменно вызывают восхищение младших офицеров. В общем...

«Королева Виктория» должна была прибыть в порт Саутгемптона днем 18 мая, совершив самый странный вояж в своей истории. А утром следующего дня мистер Генри Морган нажимал кнопку звонка нового дома доктора Фелла на Адельфи-Террас, номер 1. Генри Морган, нелишне напомнить, был тем самым прославленным автором детективных романов, который относится к собственному занятию с непоправимым легкомыслием,

а знакомство с доктором Феллом он свел во время расследования дела о восьмерке мечей. В то самое утро — когда подернутое дымкой солнце поднималось над рекой и тихими садиками Адельфи-Террас — на вытянутой, обманчиво меланхоличной физиономии Моргана, украшенной очками, было написано то ли негодование, то ли изумление. Но он точно выглядел как человек, многое переживший, и так оно и было.

Доктор Фелл тепло встретил его, пророкотав приветствие, и всунул ему в руку кружку с пивом. Доктор, как отметил его гость, стал еще толще и краснее лицом, чем прежде. Он горой возвышался над глубоким креслом в узкой амбразуре одного из окон с видом на реку. В комнате с высокими потолками и камином в стиле братьев Адам стало больше порядка с тех пор, как Морган видел ее несколько месяцев назад, когда доктор с миссис Фелл только переехали. Здесь все равно было не прибрано, по обыкновению доктора Фелла; впрочем, пять тысяч с лишним томов удалось втиснуть на дубовые стеллажи, а нескончаемые безделушки обрели свои места в укромных уголках и нишах. У доктора Фелла имелась старомодная слабость к безделушкам, в особенности к ярким картинкам с охотничьими сюжетами или иллюстрациями к Диккенсу, а также со сценками, на которых пассажиры высаживались на станции дилижансов или джентльмены салютовали пивными кружками с крыльца деревенской гостиницы. Еще он обожал фарфоровые пивные кружки с рельефными фигурками и оловянными крышками, не-

обычные книгодержатели, пепельницы, украденные из пабов, статуэтки монахов и чертей и прочие детские сокровища, которые тем не менее — в этой сумрачной комнате с дубовыми стеллажами и с потертым ковром на полу — создавали весьма подходящий фон для его гаргантюанского присутствия. Он сидел в своем кресле в амбразуре окна, перед широким столом, заваленным книгами и бумагами, под его разбойничьими усами играла усмешка, а в глазах, обращенных на гостя поверх пенсне на широкой черной ленте, горел огонек. Когда сигары были раскурены, доктор Фелл произнес:

— Возможно, я ошибаюсь, мальчик мой, но мне кажется, я замечаю в вашем взгляде профессиональный интерес. — Он шумно задышал, сложив крупные ладони на столе. — Признавайтесь, что вы там задумали?

— Признаюсь, — угрюмо ответил Морган. — Я готов изложить самую нелепую историю на свете, если у вас найдется время выслушать ее. Она довольно длинная, но, подозреваю, соскучиться вы не успеете. И еще я взял на себя смелость — если вам потребуется дополнительное подтверждение моим словам — пригласить сюда Кёрта Уоррена...

— Хе! — хмыкнул доктор Фелл, в предвкушении потирая руки. — Хе-хе-хе! Как в старые добрые времена. Разумеется, время у меня есть. И приглашайте ко мне кого угодно. Наливайте себе еще и приступайте к сути.

Морган сделал хороший глоток и глубоко вздохнул.

— Первым делом, — начал он так, словно собирался читать лекцию, — я бы обратил ваше внимание на тех, кому достались места за столом капитана на борту старой доброй «Королевы Виктории». В их числе, к счастью или несчастью, был и я.

Сначала я опасался, что путешествие будет скучным: все вокруг прямо-таки сочилось добропорядочностью, и спустя полчаса после открытия бара там сидело всего два человека, не считая меня. Именно так я и свел знакомство с Вальвиком и Уорреном.

Томассен Вальвик — норвежец, бывший капитан, водивший по маршрутам Северной Атлантики и грузовые, и пассажирские суда, теперь он уже на пенсии, живет в собственном домике в Балтиморе, у него там жена, «форд» и девять детей. Сложен он как профессиональный боксер, постоянно жестикулирует и имеет привычку громко фыркать через нос, прежде чем засмеяться. Кроме того, он самый душевный собеседник, способный всю ночь напролет потчевать вас невозможными байками, которые кажутся еще смешнее из-за его убийственного акцента, и никогда не обижается, если его называют лгуном. У него рыжие усы и светло-голубые глаза, утопающие в морщинках, и в целом лицо морщинистое, с красноватой обветренной кожей, а еще в нем начисто отсутствует высокомерие. Я понимал, что для капитана сэра Гектора Уистлера вояж намечается непростой.

Поскольку, видите ли, капитан Вальвик знал шкипера «Королевы Виктории» еще в прежние времена, до того как Уистлер сделался важным

и суровым джентльменом, восседающим во главе стола. И Уистлер, толстеющий, с поджатыми губами и сутулыми плечами, сверкающий золотым позументом, словно рождественская елка, глаз не спускал с Вальвика. Он следил за Вальвиком так, как на корабле в шторм следят за тарелкой супа, однако это никак не действовало на непошибаемого скандинава и не останавливало поток его баек.

Поначалу это не имело особенного значения. Потому что мы попали в шторм сразу же и внезапно: шквалистый ветер с дождем и головокружительное сочетание килевой и бортовой качки разогнали почти всех пассажиров по каютам. Все элегантные гостиные и салоны лайнера обезлюдели совершенно, в коридорах трещало так, словно кто-то раздирал на части плетеные корзины, а море с ревом проседало, колошматя тебя о переборки, и вздымалось, швыряя тебя куда-то головой вперед, и попытка подняться по трапу превращалась в настоящее приключение. Лично я люблю плохую погоду. Люблю, когда ветер врывается в открывающуюся дверь, люблю запахи белой краски и надраенной меди, от которых, говорят, и делается морская болезнь, и еще как коридор поднимается и опускается, словно лифт. Но некоторым на все это вообще плевать. И в результате за капитанским столом осталось всего шестеро: Уистлер, Вальвик, Маргарет Гленн, Уоррен, доктор Кайл и я. Две знаменитости, на которые нам хотелось посмотреть, были представлены пустыми стульями... А сидеть на них полагалось старому Фортинбрасу, который держит ставший очень знаменитым

театр марионеток, и виконту Стертону. Не знаете никого из них?

Доктор Фелл взъерошил густую копну тронутых сединой волос.

— Фортинбрас! — громыхнул он. — А не о нем ли я читаю последнее время в некоторых журналах для снобов? Театр где-то в Лондоне, марионетки в натуральную величину, тяжелые, как настоящие люди, он еще ставит классические французские драмы, кажется?

— Верно, — закивал Морган. — Он занимался этим последние лет десять-двенадцать для собственного развлечения или же из мистического чувства, что тем самым он спасает Высокое Искусство; его театр, тесная коробка с голыми скамьями, вмещающая человек пятьдесят, находится где-то в Сохо. Никто к нему и не заходил, кроме детей проживающих там иностранцев, но уж те были от него без ума. *Pièce de résistance*¹ старого Фортинбраса — его собственная постановка «Песни о Роланде», переложенной французским белым стихом. Все это я узнал от Пегги Гленн. Она говорит, большую часть ролей исполнял он сам, громогласно выкрикивая благородные стихи из-за сцены, и сам же с ассистентом двигал фигуры. Марионетки весят почти по восемь стоунов² каждая — они набиты опилками, в доспехах, с мечами и с прочими атрибутами — и потому установлены на специальные тележки и снабжены сложной системой проволок, которые приводят в движение ру-

¹ Гвоздь программы (*фр.*).

² Примерно по 50 кг.

ки и ноги. И это жизненно необходимо, поскольку в основном его куклы сражались друг с другом, а дети в зрительном зале то и дело вскакивали с мест и вопили до хрипоты, подбадривая героев.

Дети, понимаете ли, никогда не обращают внимания на высокие чувства. Они, вероятно, вообще не слушали стихов и не понимали, к чему они. Все, что они знали: на сцену, раскачиваясь, выдвигался Император Шарлемань¹, весь в золотых доспехах и в аллом плаще, с мечом в одной руке и с боевым топором — в другой. За ним, толкаясь и пошатываясь, вываливали все его паладины, в таких же ярких одеяниях и со столь же смертоносным оружием. С противоположной стороны к ним приближался Мавританский Султан со *своей* шайкой, вооруженной до зубов. Затем марионетки силились разными способами удержать равновесие, пока Шарлемань громовым голосом произносил: «Внемли, бездельник, стой на месте, теперь голов вам не снести, ступайте к черту, гран мерси!» — после чего разражался белым стихом минут на двадцать. Суть речи сводилась к тому, что маврам нечего делать во Франции и не пошли бы они в преисподнюю или куда подальше. Мавританский Султан поднимал свой меч и отвечал тоже минут пятнадцать, хотя общий смысл его монолога можно выразить словами: «Ну вот еще!» И тогда Шарлемань, испустив боевой клич, как следует врезал противнику топором.

¹ *Карл Великий* (742/747 или 748–814) — король франков и лангобардов, император Запада, основатель империи Каролингов, «Отец Европы»; помимо прочего, долгие годы воевал с маврами мусульманской Испании.

После чего начиналось настоящее веселье. Куклы поднимались над сценой и налетали друг на друга, словно бойцовые петухи на арене, колотили друг друга мечами и пинались так, что дым стоял коромыслом. Ежеминутно какую-нибудь из марионеток, «павшую в бою», отцепляли от тележки, и она с грохотом падала на сцену, поднимая тучи пыли. И в этом пыльном облаке битва кипела и громыхала дальше, а старик Фортинбрас носился за сценой, выкрикивая благородные вирши и сажая голос, пока дети заходились от восторга. Затем занавес опускался, и появлялся Фортинбрас, кланяясь, отдуваясь и утирая с лица пот, бесконечно счастливый от аплодисментов своих зрителей, и он закатывал речь о славе Франции, которой они аплодировали так же неистово, совершенно не понимая, о чем он толкует... Он был счастливый артист, артист, оцененный по достоинству.

Что ж, это было неизбежно. Рано ли поздно Фортинбраса и его искусство обязательно должен был «открыть» какой-нибудь высоколобый интеллект, и его открыли. Однажды он проснулся знаменитым, непризнанный гений, которым британская публика, к стыду своему, пренебрегала. Отныне вход на его представления детям был заказан, там сидели сплошные господа в цилиндрах, ценители Корнеля и Расина. Я так понял, что старик был весьма сильно этим озадачен. В итоге он получил сногшибательное предложение представить свои многочисленные исторические драмы в Америке и отправился в долгое триумфальное турне...

Морган перевел дух:

— Все это, как я уже упомянул, я узнал от мисс Гленн, она — причем за целую вечность до нагнавшей славы — служила у сумасшедшего старика то ли секретарем, то ли администратором. Она какая-то его дальняя родственница по материнской линии. Отец у нее был вроде бы сельским священником или учителем, и после его смерти она отправилась покорять Лондон, где едва не умерла с голоду, прежде чем старый Жюль взял ее в свой театр. Она чертовски хороша собой, хотя производит впечатление чопорной и суховатой, но это — пока не поймешь, какой она в действительности бесенок, ну, или пока она не выпьет пару бокалов, и вот тогда она предстает во всем блеске.

Так вот, Пегги Гленн — еще одна участница нашей компании, а замыкает список мой друг Кёртис Уоррен.

Кёрт вам понравится. Он довольно бесшабашный, этот любимый племянник одного Большого Человека, который нынче представлен в американском правительстве...

— Что за человек? — заинтересовался доктор Фелл. — Не помню там ни одного Уоррена...

Морган кашлянул.

— Мой друг — сын его сестры, — пояснил он. — И их родство имеет непосредственное отношение к моему повествованию, но пока что будем называть его просто Большим Человеком, приближенным к самому Франклину Делано. Этот Большой Человек, между прочим, весьма величественная и помпезная фигура среди политиков: самый блестящий цилиндр, самая острая стрелка на брю-

ках, безусловно правильная речь и неукоснительное следование этикету... Он потянул там за какие-то ниточки (за которые простой смертный потянуть не может) и раздобыл Кёрту местечко в консульской службе. Местечко не самое хлебное, по правде говоря, какая-то богом забытая дыра в Палестине или где-то рядом, и Кёрт решил устроить себе каникулы с путешествием по Европе, прежде чем он приступит к тяжким обязанностям ставить штампы на накладные и тому подобное. Кстати, у него имеется хобби: он снимает любительские фильмы. Он человек зажиточный, и, насколько я понимаю, в его распоряжении не только полноформатная камера, но еще и звукозаписывающий прибор из тех, которые носят с собой репортеры.

Однако, к слову о Больших Людях, мы как раз подобрались еще к одной знаменитости на борту «Королевы Виктории», которую так же сразила морская болезнь. Это был не кто иной, как лорд Стертон, ну, вы знаете, его еще называют Отшельником с Джермин-стрит. Он никого не принимает, у него нет друзей, и занимается он исключительно тем, что коллекционирует редкие драгоценности...

Доктор Фелл вынул трубку изо рта и часто заморгал.

— Погодите-ка, — с подозрением проговорил он, — я кое-что хочу уточнить, прежде чем вы продолжите. Вы, случайно, не собираетесь пересказать мне избитый анекдот о том, как знаменитый бриллиант, именуемый Озером Света, или как-нибудь в этом роде, был похищен из левого глаза ста-

туи в Бирме и теперь за ним охотится зловещий иноземец в тюрбане? Потому что если так, то даже слушать дальше не желаю...

Морган сморщил лоб в насмешливой гримасе.

— Нет, — сказал он. — Я предупреждал вас, что дело нелепое и куда более курьезное, чем любой анекдот. Но вынужден признать, что драгоценность *действительно* фигурирует в этой истории — именно из-за нее мы совершенно запутались, именно из-за нее начался сущий ад, — однако изначально ее вовсе не принимали в расчет.

— Гм! — произнес доктор Фелл, пристально всматриваясь в него.

— И еще я вынужден признать, что драгоценность была похищена...

— Кем же?

— Мною, — неожиданно выпалил Морган. Он поерзал на стуле. — Точнее, даже всей нашей компанией. Говорю же, это был сущий кошмар. Это изумрудный слон, крупная подвеска, не имеющая исторической ценности, зато баснословно дорогая. Это диковинка, раритет, потому-то лорд Стертон и гонялся за нею. Секрет Полишинеля, что он вел переговоры о покупке с одним обанкротившимся миллионером из Нью-Йорка. И он договорился, я знаю об этом от Кёрта Уоррена. Большой Человек, дядюшка Кёрта, дружит со Стертоном, и дядя рассказал обо всем Кёрту еще до того, как мы погрузились на «Королеву Викторию». Должно быть, добрая половина пассажиров слышала об этом. И все сгорали от желания увидеть знаменитого лорда хотя бы краем глаза, когда он поднимался

на борт: странный рыжеватый старичок со старомодными бакенбардами и отвисшей челюстью, в сопровождении одной только секретарши. Он топал вверх по трапу, с головы до пят закутанный в клетчатые пледы, и при этом костерил всех вокруг.

Сейчас, по нескольким причинам, мне кажется даже удивительным, что вы упомянули старинный анекдот о знаменитом сокровище. Поскольку в день начала всех злоключений — четвертый день нашего путешествия, когда до порта назначения нам оставалось еще трое суток, — мы с Пегги Гленн и шкипером Вальвиком как раз обсуждали изумрудного слона в той самой манере, в какой беседеешь о том о сем, лежа на палубе в шезлонге с наброшенным на ноги пледом и думая лишь о том, когда подадут сигнал к чаю. Мы болтали о том, где сейчас изумрудный слон, в багаже лорда Стертона или заперт в сейфе у капитана, и как в том и другом случае можно его украсть. Пегги, насколько я помню, выстроила весьма сложный и хитроумный план, только я не особенно внимательно слушал. За прошедшие четыре дня мы весьма неплохо узнали друг друга и почти перестали церемониться.

На самом деле, — произнес Морган, — я наполовину задремал. Но затем...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Опрометчивость дядюшки Уорпуса

Под низко нависшим небосводом растекалась яркая желтизна, но сумерки уже опускались, и пенные барашки на сером море играли разноцветными искрами, пока «Королева Виктория» упорно преодолевала шторм. Линия горизонта падала и снова взмывала над бурлящим и шипящим котлом океана, пронизывающий ветер гулял по почти пустынной палубе. Развалившись в шезлонге, укутанный пледом Морган погрузился в то дремотное состояние, когда рев океана кажется таким же уютным, как потрескивание дров в камине. Он размышлял о том, что скоро по всему лайнеру загорятся огоньки, в ресторане под звуки оркестра накроют чай. Оба его собеседника на мгновение умолкли, и он поглядел на них.

Маргарет Гленн уронила свою книжку на колени и откинулась в шезлонге, прикрыв глаза. Ее довольно худощавое, миловидное и озорное личико — обычно обманчиво строгое, словно у школьной училки, — сейчас выражало недоумение и тревогу. Она держала за дужку очки для чтения в черепаховой оправе, морща лоб над карими глазами.

Она была закутана в меховое манто, на шее белено трепетал шелковый, расписанный вручную шарф, из-под маленькой коричневой шляпки выбивался темный локон, игравший на ветру.

Она задумчиво проговорила:

— Интересно, куда же запропастился Кёрт? Уже скоро чай, а он еще когда обещал прийти, мы же собирались заманить вас обоих в бар на коктейли... — Она пошевелилась, переведя серьезный взгляд на иллюминатор за спиной, словно ожидала увидеть Уоррена там.

— О, я догадался, — лениво протянул Морган. — Он застрял с той бойкой блондинкой из Нэшвилла, помнишь, она впервые едет в Париж, утверждая, что собирается обрести там духовный опыт.

Разумянившаяся на ветру Пегги уже собиралась что-то ответить, но тут заметила выражение его лица и вместо того лишь показала ему язык.

— Вот еще! — произнесла она, но без всякого запала. — Знаю я таких кривляк. Одевается как потаскушка, но при этом мужчину к себе не подпустит и на пушечный выстрел. Вот что я тебе скажу, — продолжила мисс Гленн, покачивая головой и моргая с умудренным видом. — Держись подальше от женщин, которые желают обрести богатый духовный опыт. Это означает лишь то, что телесно они в этом участвовать не собираются. — Она нахмурилась. — И все же — что могло случиться с Кёртом? Даже если сделать скидку на знаменитую безалаберность американцев...

Карр Дж. Д.

К 26 Слепой цирюльник : роман / Джон Диксон Карр ; пер. с англ. Е. Королевой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2025. — 384 с. — (Звезды классического детектива).

ISBN 978-5-389-29549-0

Золотой век детектива подарил нам множество звездных имен. Произведения таких писателей, как Агата Кристи, Гилберт Честертон, Эрл Стэнли Гарднер, Рекс Стаут, развивали и совершенствовали детективный жанр, их романы, безоговорочно признанные классикой, по сей день любимы читателями и являются эталоном качества для последующих поколений авторов детективных историй. Почетное место в этой плеяде по праву принадлежит Джону Диксону Карру (1906–1977) — виртуозному мастеру идеально построенных «невозможных преступлений в запертой комнате».

В 1933 году в романе «Ведьмино Логово» Джон Диксон Карр впервые представил публике сыщика-любителя доктора Гидеона Фелла. «Слепой цирюльник» (1934) — четвертый по счету роман о приключениях хитроумного детектива.

На борту трансокеанского лайнера «Виктория» совершено похищение любительской киноплёнки, которое грозит обернуться грандиозным политическим скандалом мирового масштаба. Не способствуют спокойствию пассажиров лайнера и загадочные исчезновения драгоценного изумрудного слона, а также присутствие тяжело раненой девушки...

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание / Эдеби-көркем басылым

ДЖОН ДИКСОН КАРР
СЛЕПОЙ ЦИРЮЛЬНИК

Ответственный редактор Анна Щеникова-Архарова
Редактор Татьяна Шушлебина
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Валерий Камендо, Ирина Киселева

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 27.05.2025.
Формат издания 76 × 100 ¹/₃₂. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 16,92. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

16+

Отпечатано в типографии ООО «Экопейпер».
420044, Россия, г. Казань, пр. Ямашева, д. 36Б.

A-MCD-38666-01-R